

УДК 94(47).084.3

ББК 982.147Т14

ГСНТИ 03.23.55

Код ВАК1589

М.И. Люхуздаев

Ноябрьск

**ОПЫТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЛЕВЫХ ЭСЕРОВ
С БОЛЬШЕВИКАМИ В ОРГАНАХ ВЛАСТИ В 1918 ГОДУ
В ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ (НА ПРИМЕРЕ
КАМЫШЛОВСКОГО И КУНГУРСКОГО УЕЗДОВ)**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: история политических партий, партия левых социалистов-революционеров, Гражданская война в России, Урал, оппозиционная борьба в советах, репрессии.

АННОТАЦИЯ. В статье сделана попытка рассмотреть взаимоотношения левых эсеров с большевиками в Камышловском и Кунгурском уездах Пермской губернии, в первом из которых члены ПЛСР в апреле вышли из органов власти из-за конфликта с коммунистами, а во втором работали до ноября 1918 года в исполкоме уездного Совета.

M.I. Lyukhudzaev

Noyabrsk

**THE EXPERIENCE OF INTERACTION BETWEEN
THE LEFT SRS AND THE BOLSHEVIKS IN GOVERNMENT
IN 1918 IN PERM PROVINCE (FOR EXAMPLE,
KAMYSHLOV AND KUNGUR DISTRICTS)**

KEY WORDS: history of political parties, the party of socialists-revolutionaries, the Civil war in Russia, the Ural, the opposition struggle within the Soviets, repression.

ABSTRACT. The article attempts to examine the relationship of the left SRS and the Bolsheviks in Kamyshlov and Kungur district of the Perm province, the first of which members of PLSR in April came from the authorities because of the conflict with the Communists, and the second worked until November, 1918, the Executive Committee of the County Council.

Опыт взаимодействия большевиков и левых эсеров в органах власти остается одной из самых актуальных и недостаточно изученных тем в истории России. Особый интерес вызывает положительный региональный опыт сотрудничества в советах представителей партии левых эсеров (ПЛСР) с большевиками, что могло стать одним из

факторов стабильного положения новой власти на Урале в 1918 году. В данной работе сделана попытка рассмотреть взаимоотношения левых эсеров с большевиками в Камышловском и Кунгурском уездах Пермской губернии, в первом из которых члены ПЛСР в апреле вышли из органов власти из-за конфликта с коммунистами, а во втором работали до ноября 1918 года в исполкоме уездного Совета.

Недолгое сотрудничество левых эсеров с большевиками Камышловском уездном исполкоме обострилось из-за конфликта по вопросу о представительстве в нем, что, возможно, помешало им отправить своего делегата для работы в обкоме партии (7. 9 апреля). Из-за аннулирования большевиками конституции, выработанной уездным исполкомом, левые эсеры Уфимцев, Нечаев, Васильев и Судариков 12 апреля вышли из его состава, о чем сообщалось 17 апреля в газете обкома ПЛСР Урала «Наш Путь». Лидер уральской организации ПЛР М.П. Медведев, характеризуя эту ситуацию на III Всероссийском левозеро-вском партийном съезде, подчеркнул, что в Камышлове большевики самочинно начали заменять комиссаров-левых эсеров, избранных на уездном съезде (11. С.255). Объясняя свою позицию, члены ПЛСР сообщали, что группа местных большевиков «отбрасывает левых эсеров и одна хочет вершить делами в уезде», игнорируя интересы трудящейся крестьянской массы, «вводя над всеми трудящимися диктатуру своей партии» (8. 17 апреля. №28). В газете «Наш Путь» было отмечено, что коммунисты Камышлова, нарушая конституцию, принятую крестьянским съездом в феврале 1918 года, пользуясь большинством в городе и несознательностью левых эсеров, «продавших за посты интересы своей партии и перебежавших в лагерь большевиков», вводили в исполком новых членов на правах кооптации. Камышловские левые эсеры требовали паритетного членства в комиссариате (по 5 человек от каждой партии), а после отказа большевиков призвали крестьян к созыву экстренного съезда.

Для обсуждения сложившейся ситуации и учета партийных сил на 17 июня 1918 года в Камышлове был назначен созыв 1-й уездной конференции ПЛСР, приуроченный к началу работы крестьянского съезда, открывающегося 19 июня. Все левозеро-вские делегаты, избранные на крестьянский съезд, должны были явиться к 17 июня в Камышлов и присутствовать на конференции. Председатель Камышловской организации ПЛСР призвал в виду важности текущего момента серьезно отнестись к ней, обсудить все вопросы и прислать с наказами делегатов, снабженных мандатами. Согласно программе на

конференции с докладом от уездного комитета должен был выступить Перфильев, а после докладов с мест - бывшие члены уездного исполкома, члены городского и железнодорожного советов Васильев, Нечаев, Кульпинский и Лашкевич. Кроме сообщений Васильева и Перфильева по вопросу о крестьянском съезде планировалось заслушать доклад Минаева об областной партконференции в Екатеринбурге. По текущему моменту и тактике партии должны были выступить Мокрушин и Лубнин, об очередных задачах партии, организации и литературно-издательскому делу - Брагин, по экономическим вопросам - Коваленко. На конференции планировалось избрать уездное бюро партии и обсудить вопрос о средствах организации (б. 11 июня. №93).

На открывшемся уездном съезде волостных советов и фабрично-заводских комитетов Камышловского уезда левых эсеров было почти вдвое меньше, чем большевиков. На съезде при обсуждении продовольственного вопроса 20 июня левый эсер Судариков признал, что население Камышловского уезда может поделиться излишками хлеба, но предупредил о столкновениях с крестьянством, поскольку декрет о продовольственной диктатуре был принят без участия его представителей - левых эсеров. В связи с этим Судариков отметил печальное положение крестьянских секций в областном и центральном советах. Не достигнув соглашения с большевиками о количестве занимаемых мест в аграрном отделе, левые эсеры отказались занять другие места в исполкоме, но остались на съезде и в отделах.

К спорам о местах в исполкоме и продовольственной политике добавились разногласия между левыми эсерами и большевиками по вопросу о мобилизации. Судариков отметил, что партия большевиков капитулировала в Бресте, а левые эсеры призывают к всеобщему восстанию трудящихся против капиталистов всех стран. Он подчеркнул, что мобилизация необходима, но нельзя поручать защиту революции людям, идущим в армию за плату с голоду. Левые эсеры заявили, что каждый вновь записывающийся в эту организацию должен был дать подписку о своей готовности «все жертвовать на защиту рабоче-крестьянского правительства и по первому требованию отправиться на позицию» (б. 13 июля. №119).

Поскольку вооружение дружин левых эсеров на Урале задерживалось большевиками, они неохотно подчинялись общему большевистскому командованию, предпочитая действовать самостоятельно. Это вызывало недовольство большевиков и критику действий левых

эсеров в уральской печати. Так, газета «Уральский рабочий» 11 мая сообщила, что ПЛСР «разлагается и ее влияние на массы стремительно падает», а 24 мая заявила о «банкротстве партии, ее мелкобуржуазности, анархичности». Уральские левые эсеры считали, что большевистские попытки наклеивания ярлыков говорили лишь об их стремлении предотвратить поток масс в их партию (8. 5 июня. №45). Большевики в местной газете сообщали, что отдельных членов ПЛСР (Лубнина и др.) будет судить ревтрибунал, так как они выпускали листовки против советской власти, призывали не подчиняться советским органам. В статье анархиста Н. Черепанова, опубликованной 6 июля 1918 года, сообщалось, что обком ПЛСР распускает местную организацию левых эсеров, поскольку она явно защищает кулацкие интересы, а ее члены занимают ответственные посты (6. 6 июля. №113).

Опровергая это заявление и объясняя причины реорганизации левых эсеров в уезде, представитель ПЛСР указал, что Черепанов проигнорировал второе объявление левых эсеров, в котором говорилось, что их организация распускается в виду того, что из-за отдельных личностей она не вполне отражала интересы трудового народа. В Камышлове была создана новая «профильтрованная» организация и ответственные места, предоставленные ПЛСР, занимали члены не старой, а новой организации. Указывая на решение областной партконференции о тщательном отборе новых членов партии, левые эсеры заявили, что давно уже признали необходимость чистки своих рядов, и реорганизация произошла бы безо всякого вмешательства области. Левый эсер Перфильев предложил Черепанову указать в числе действительных членов ПЛСР заложников или контрреволюционеров, чтобы его обвинения не были беспочвенными (6. 10 июля. №116).

Хотя в июле комитет ПЛСР ужесточил требования к вступавшим в ряды партии, а каждый прибывший в город левый эсер не мог выступать таковым пока не получит бумаги о том, что он был в левозесеровском горкоме, авторитет эсеровской организации в этот период в Камышлове оказался под угрозой после событий в Москве. В конце июля 1918 года после боев под Тамакулом последний отряд красных отступил через Камышлов, после чего город заняли белые. Эвакуировавшись в августе в Пермь, Судариков принял участие в ряде собраний членов Уралоблсовета по вопросу о выходе из ПЛСР и вступлении в РКП/б/. Поддержав политику большевиков, он продолжил свою работу в высших органах управления области. От лесного отдела об-

ластного совета Судариков присутствовал в октябре на заседании совнархоза Урала.

Произошедший задолго до июльского выступления ЦК ПЛСР конфликт левых эсеров с коммунистами в Камышлове по вопросу о власти был решен в пользу большевиков. Неоднократные попытки местных левых эсеров добиться пересмотра этого решения легальными методами на уездном съезде Советов успеха не принесли. Используя свое влияние в городе, разобщенность действий левоэсеровских работников большевики удерживали власть в своих руках, оттеснив от руководства представителей ПЛСР.

Гораздо дольше удалось проработать левым эсерам в Кунгурском уездном исполкоме. Один из их лидеров прапорщик П.Г. Антропов прибыл в 1917 году из Московского Александровского военного училища в запасной пехотный полк в Кунгуре и был избран в 1-й солдатский комитет, а затем комиссаром Кунгурского гарнизона. Со 2 сентября он возглавил городской комитет революционной власти, был назначен комиссаром по охране города. Антропов возглавил в Кунгуре «Комитет революционной власти», который был создан по решению местного Совета. В дальнейшем власть здесь была передана ревкому, избранному на заседании 28 октября 1917 года, который возглавил сочувствующий левым эсерам прапорщик Грибанов. Антропов также вошел в состав ВРК Кунгура, отвечая за работу среди солдат. Позднее он был избран в состав уездного исполкома и возглавил наркомат просвещения.

Возглавив отделы просвещения, земледелия, снабжения при в Кунгурском уездном исполкоме левые эсеры проявили именно в них большую активность. Решая вопрос о передаче земли населению в уезде, комиссар земледелия Грачев 15 марта обратился с призывом к беднякам вступать в «трудовые сельскохозяйственные коммуны», для которых земельный отдел выделил в нескольких местах землю при условии коллективной ее обработки (4. 15 мая). На I объединенном губернском съезде советов в Перми, проходившем с 7 по 15 апреля 1918 года, где значительно преобладали левые эсеры, наряду с левоэсеровскими делегациями Оханского и Пермского уездов (по 43 человека) присутствовала группа из 29 членов ПЛСР Кунгурского уезда. В ходе работы съезда кунгурские левые эсеры стали участниками конфликта с большевистской фракцией за представительство в новом составе губернского исполкома. Один из них, В.А. Соловьев, участник II и III Всероссийских съездов советов крестьянских депутатов,

управляющий делами уездного исполкома был выбран в состав лево-эсеровской фракции губисполкома.

Активно левые эсеры проявили себя в ходе 3 уездного съезда советов в Кунгуре, на котором 2 мая 1918 года Антропов настаивал на создании одного комиссариата труда (без проведения разграничения между рабочими и крестьянством), а также предлагал утвердить выработанную фабзавкомами схему ставок заработной платы. На следующий день в уездный исполком Кунгура съезд избрал 9 большевиков и 6 левых эсеров (Антропов, Грачев, Наумов, Соловьев, Скачков, Толчков). В военкомат от левых эсеров утвердили Грибанова, в контрольно-ревизионную комиссию - Костарева и Кулакова, в согласительную комиссию - Медведева, в комиссию по выработке смет и инструкций волостным и сельским советам - Бурматова, Самойлова, Сысолина, в следственную комиссию - Мясникова, Сидорова (З. Л.79-81).

Выступая на заседании исполкома 24 мая, Антропов высказался против самочинных действий военкомата, возглавляемого большевиком Н. Филимоновым, который без разрешения исполкома собирался занять несколько училищ для постоа армейцев (4. 29 мая. №46). Исполком с учетом роста самовольных действий военкомата, постановил, что без согласования комиссара просвещения и разрешения исполкома он не должен занимать школьных помещений. На этом же заседании при обсуждении критического финансового положения уезда Антропов предложил резолюцию, в которой предлагал провести немедленно полное обложение буржуазии города и уезда в той ее части, которая еще этому не подвергалась.

В июне в приложении к «Голосу Кунгурского Совета» регулярно публиковалось объявление о записи в партию левых эсеров, которая производилась ежедневно кроме праздничных дней в комиссариате просвещения у секретаря организации С. Князева (4. 10 июля. №80). В этой же газете 20 июня появилась заметка, о комиссаре отдела снабжения Толчкове, который помог изобличить взяточников, пытавшихся его подкупить. В июле левоэсеровские представители в составе Кунгурского уездного исполкома занимали 8 из 17 мест, что позволило им отправить своего представителя В.А. Соловьева на V Всероссийский съезд советов (2. Л.136). Однако на съезде он был арестован в составе фракции ПЛСР и освобожден 10 июля. После того, как на общем собрании членов уездного исполкома 17 июля сообщили об аресте Соловьева и его просьбе отправить телеграмму во

ВЦИК для его освобождения, было принято решение ходатайствовать телеграфно перед Совнаркомом и ВЦИК по этому вопросу. Характеризуя Соловьева, члены исполкома признали, что «он всегда был ярким защитником советской власти и непримиримым врагом буржуазии и правых социалистов» (5. С.60). Хотя требование об освобождении Соловьева было сделано с опозданием, сам факт отражал лояльное отношение к представителям ПЛСР в исполкоме Кунгурского уездного Совета.

Хотя после левоэсеровского выступления в Москве 10 июля в газете «Голос Кунгурского Совета» появились статьи о «предательстве левых эсеров», в приложении к ней по-прежнему публиковали объявление о записи в организацию ПЛСР Кунгура. В ней же товарищ председателя кунгурской организации левых эсеров Антропов поместил 11 июля объявление о чрезвычайном общем собрании всех членов ПЛСР и ей сочувствующих в помещении комиссариата просвещения для обсуждения текущего момента. В местной прессе настойчиво требовали призвать к ответу левых эсеров для выяснения их политической позиции по отношению к выступлению ЦК их партии (4. 14 июля. №83). Одновременно в обличительных статьях в адрес левоэсеровского ЦК коммунисты подчеркивали, что большинство ПЛСР не знало об авантюристических замыслах своих руководителей и осудило их приемы. Указывая возможные варианты выхода из ситуации членам ПЛСР, в передовице «Голоса Кунгурского Совета» (№87) отмечали, что на местах некоторые из левых эсеров «перешли во фракцию коммунистов, другие решили переорганизовать свою партию, выбросив из нее соучастников и сочувствующих преступлениям политиканов ЦК».

В сводке за июль-сентябрь информационно-справочного отдела Пермского губернского отдела управления отмечалось, что Кунгурский уездный исполком состоит в основном из левых эсеров, которые заявили 15 июля на заседании исполкома о невозможности выразить свое принципиальное отношение к событиям в Москве, не имея достаточно фактов о них. Кунгурский уездный исполком решил считать вооруженное восстание ЦК ПЛСР, «если таковое подтвердится дальнейшими сведениями, преступным делом революции» (5. С.85). Учитывая, что московские события в уезде не имели практического значения, так как до сих пор обе партии работали в контакте, окончательное решение вопроса о взаимоотношении организаций большевиков и левых эсеров отложили до приезда делегатов с Всероссий-

ского съезда (4. 18 июля). Нуждаясь в знающих специалистах отделов, большевики не настаивали на немедленном исключении левых эсеров из исполкома. На заседании исполкома местного Совета 14 августа в связи с отменой осадного положения в городе и уезде представителям земельного отдела и отдела управления, возглавляемых левыми эсерами, поручили выяснить случаи незаконных реквизиций лошадей и изъятия денег у населения. Левые эсеры были делегированы в местный Военный Совет (Грачев и Антропов) (4. 16 августа. №110).

Более определенно мнение уездной организации ПЛСР прозвучало на съезде представителей отделов управлений Пермской губернии, когда Н.К. Скачков 20 августа 1918 года по вопросу об отношении к июльским событиям в Москве заявил, что он и вся фракция левых эсеров Кунгура стоит на точке зрения ЦК партии (1. Л.179-180). Характеризуя положение в уезде, он отметил, что если территорию захватят чехословаки, то «переворот неизбежен». В уезде произошло несколько случаев восстания против советской власти, которые были подавлены вооруженными силами. После сделанного доклада согласно постановлению съезда Скачков покинул заседание.

Внутреннее представительство левоэсеровской партии на 4 Кунгурском уездном съезде советов подтверждает, что большевики на Урале не сразу отказались от дальнейшего сотрудничества с лояльными представителями левоэсеровской партии. В его работе 17 сентября принимали участие 111 большевиков и 76 левых эсеров (12. С.94; 13. С.166). В начале работы съезда большевики сделали запрос фракции левых эсеров об их отношении к июльскому выступлению. Левоэсеровская фракция в своей резолюции по текущему моменту дала ответ об отрицательном отношении к этому выступлению и выразила согласие с политическим настроением власти (5. С.76-77). В состав Кунгурского уездного исполкома в сентябре вошли 4 левых эсера (Антропов, Грачев, Гришин, Толчков). В сентябре левые эсеры принимали активное участие при обсуждении вопросов на продовольственном совещании Кунгурского уезда, а также в составе комиссии по выборам учителей местных и уездных училищ. Хотя представитель Приуральского обкома ПЛСР Н.А. Новиков-Покровский сообщил на II Совете ПЛСР в декабре, что левые эсеры в Кунгуре сохранили свою организацию до декабря 1918 года (50 человек), ее лидеры постепенно выходили из состава партии (9. Л.49).

Позднее левым эсерам Кунгурского уезда припомнили их политическое прошлое, подвергнув репрессиям. Так, комиссар управления Н.К. Скачков, арестованный в начале сентября 1918 года штабом 3-й армии на 10 суток как левый эсер и обвиненный в неисполнении декрета, с 1919 по 1921 год состоял в РКП (б), а затем его исключили как бывшего эсера. В 1938 году его арестовали и приговорили к 10 годам ИТЛ, где он умер в 1943 году (10. Л.670-670 об.). Аналогичный приговор 29 января 1949 года был вынесен арестованному в июне 1948 года В.А. Соловьеву, которого Особое Совецание МГБ СССР обвинило по статьям 58-10, 58-11 УК РСФСР. П.Е. Толчков, арестованный 25 декабря 1920 года за связь с анархистами, был приговорен к негласному надзору. Редким исключением была судьба вступившего в партию большевиков Антропова, которого после освобождения Перми от войск Колчака летом 1919 года назначили заведующим Пермским губернским отделом народного образования. В конце 1919 года его призвали в Красную армию, где он стал инструктором, а затем помощником начальника политотдела 29 стрелковой дивизии. С 1927 года Антропов был на руководящей партийно-преподавательской работе в Средней Азии (старший преподаватель, потом заведующий кафедрой истории Ташкентского коммунистического университета). В 1931 году его вызвали в Москву на преподавательскую работу в коммунистический университет советского востоковедения. Позднее он был ученым секретарем и заместителем директора по научной работе Музея народов СССР. В 1960-е годы, будучи персональным пенсионером, он являлся активным членом исторической секции и совета Кунгурского краеведческого музея (14. С.117-118).

Таким образом, в отличие от Камышловского уезда, где конфликт с большевиками из-за представительства в исполкоме привел левых эсеров к потере мест в нем, в Кунгурском уезде бывшим членам ПЛСР удалось остаться в органах власти до ноября. В условиях наступления чехословаков большевики из-за нехватки специалистов не спешили удалять левых эсеров из исполкома, которые первоначально поддерживали свой ЦК, а позднее перешли в ряды народников-коммунистов и затем в большевистскую партию. Молодой возраст и краткий партийный стаж их местных лидеров ПЛСР способствовали их выходу из левоэсеровской организации и вступлению в большевистскую партию. Определенную роль сыграло их недавнее пребывание в армии, где военная дисциплина была важнее партийной принадлежности.

Источники:

1. Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф.Р-19. Оп.1. Д. 168.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. р-1235. Оп.4. Д. 46.
3. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. р-2601. Оп.1. Д. 136.
4. Голос Кунгурского Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов.1918.
5. Гражданская война в Прикамье. Май 1918-январь 1920 гг. Сборник документов. – Пермь, 2008.
6. Известия Камышловского уездного Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. 1918.
7. Известия Усольского уездного Совета. 1918.
8. Наш Путь (Екатеринбург). 1918.
9. Российский государственный архив политической истории (РГАСПИ). Ф. 564. Оп. 1. Д. 7.
10. Уральский государственный архив административных органов Свердловской области (УГААОСО). Ф.1. Оп.2. Д. 17160. Т.16.
11. Партия левых социалистов-революционеров: Документы и материалы. Т.2. Ч.1. М.: РОССПЭН, 2010.
12. Бухаркина О.А. и др. Гражданская война на Урале в документах 3-й Армии РККА. - Екатеринбург: Премиум Пресс, 2008.

Литература:

12. Гражданская война на Урале. Свердловск, 1969.
13. Из летописи земли Кунгурской. Кунгур, 1967.